ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 9 | 2025. Volume 18. Issue 9
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Классификация вербальных маркеров угрозы на основе англоязычных текстов интернет-дискурса

Белова Л. В.

Аннотация. Цель настоящего научного исследования заключается в типологизации вербальных маркеров угрозы в англоязычных текстах (коротких сообщениях), опубликованных в открытом доступе в социальной сети «Твиттер». В статье описываются особенности коммуникации в англоязычных социальных сетях, в контексте которой значительное место занимают агрессивные сообщения, содержащие открытую или скрытую угрозу. Кроме того, рассматриваются вербальные маркеры, выступающие средствами выражения угрожающей интенции в условиях цифровой коммуникации. Научная новизна исследования определяется составлением классификации английских языковых единиц, являющихся вербальными маркерами угрозы в коммуникативном пространстве интернет-дискурса микроблоговой платформы «Твиттер». В результате проведенный анализ позволил установить, что вербальные маркеры угрозы классифицируются на лингвистические (лексические, грамматические и стилистические) и экстралингвистические. По способу речевого оформления высказывания вербальные маркеры угрозы, формирующие концептосферу современного англоязычного коммуникативного пространства, в текстах интернет-сообщений могут быть имплицитными и эксплицитными, а также по иллокутивной силе выделяются вербальные маркеры низкой, средней и высокой степени угрозы.

EN

Classification of verbal threat markers based on English-language texts of internet discourse

L. V. Belova

Abstract. The aim of this scientific research is to typologize verbal threat markers in English-language texts (short messages) published in open access on the social network “Twitter”. The article describes the features of communication in English-language social networks, within the context of which aggressive messages containing overt or covert threats occupy a significant place. Furthermore, the work examines verbal markers that function as means of expressing threatening intention in digital communication. The scientific novelty of the research is defined by the compilation of a classification of English linguistic units that are verbal markers of threat in the communicative space of internet discourse on the microblogging platform “Twitter”. As a result, the analysis established that verbal threat markers are classified into linguistic (lexical, grammatical, and stylistic) and extra-linguistic categories. According to the method of speech formulation of the utterance, verbal threat markers, which form the concept sphere of the modern English-language communicative space, in the texts of internet messages can be implicit and explicit. Additionally, verbal markers of low, medium, and high degrees of threat are distinguished according to illocutionary force.

Введение

Актуальность представленного исследования в рамках дискурс-анализа и лингвистики интернет-коммуникации обусловлена потребностью в разработке индивидуального языкового портрета авторов сетевых публикаций через исследование применяемых ими лингвистических индикаторов. В современных условиях особую важность приобретает изучение речевых паттернов индивидов, в частности актуализируется задача оперативного обнаружения проявлений агрессивных коммуникативных актов, содержащих прямые или опосредованные угрозы. Параллельно существует потребность в системном исследовании языковых механизмов выражения агрессии в цифровой среде, а также в разработке типовых классификаций обнаруженных маркеров, которые служат средствами языковой объективации и отражают содержательное наполнение ключевых лингвокультурных концептов современного англоязычного языкового пространства.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250567

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

В соответствии с целью исследования определены ключевые задачи:

– описать специфику коммуникативной практики в англоязычном онлайн-дискурсе;

– систематизировать существующие теоретические подходы к определению понятия и способам категоризации вербальных маркеров;

– распределить вербальные маркеры угрозы на категории на основе эмпирического материала, отобранного в открытых текстовых сообщениях микроблоговой платформы «Твиттер».

Для изучения и систематизации вербальных маркеров угрозы в текстовых сообщениях был использован комплекс исследовательских методов: дискурс-анализ, лингвостилистический и контекстный анализ. Для выявления лексических и грамматических характеристик вербальных маркеров применялся метод семантического анализа лексических единиц и синтаксический метод, который позволил определить синтаксическую функцию вербального маркера в высказывании. Кроме того, использовался стилистический и контекстуальный анализ для выявления экспрессивно-эмоциональной окрашенности текстовых сообщений. В процессе обработки, структурирования и осмысления текстовых сообщений как исследовательского материала были задействованы описательный и логический методы, а также традиционные общелингвистические исследовательские подходы, включая методики обобщения и сравнительного анализа.

Объект настоящего научного анализа – публично доступные текстовые публикации платформы «Твиттер», содержащие признаки агрессивного поведения или явно выраженные/имплицитные угрозы, адресованные как конкретным, так и неопределенным реципиентам. Предметом научного рассмотрения являются вербальные маркеры, выполняющие функцию индикаторов угрозы в рамках англоязычного цифрового коммуникативного пространства. Эмпирическую базу исследования составил корпус из 520 публичных текстовых единиц (твитов), отобранных в период с октября 2021 года по март 2023 года посредством методики рандомизированной ручной выборки из англоязычного контента указанной социальной платформы. В процессе нашей научной работы в 2023 году руководство социальной сетью получила компания “X Corp” и «Твиттер» был переименован в “X”. При этом в настоящей статье мы используем предыдущее название ввиду того, что сбор эмпирического материала осуществлялся, когда социальная сеть носила название «Твиттер». Кроме того, согласно ответу на наш запрос, направленный в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (письмо № 05-513057 от 27.11.2024), в средствах массовой информации допускается использование обоих вариантов названия социальной сети: и предыдущего «Твиттер», и действующего “X”, поскольку социальная сеть появилась в 2006 году, функционировала под этим названием 17 лет, и на текущий момент прошло недостаточно времени для закрепления нового названия в сознании значительного количества интернет-пользователей и представителей медиасферы, которые продолжают использовать предыдущее название наравне с действующим.

Теоретическую основу исследования составили значимые работы зарубежных исследователей K. Aijmer, A. Simon-Vandenbergen (2009), B. Fraser (1996), M. McCarthy (1991), D. Mitchel (2014), M. Halliday (1995), в которых изучаются варианты определения и вопросы функционирования вербальных маркеров. В них единицы речи рассматриваются как контекстуально зависимые элементы, индикаторы субъективной позиции говорящего, способные оказывать значимое воздействие на эмоциональное состояние и поведенческие реакции адресата. Кроме того, принимались во внимание лингвокультурологические исследования А. Вежбицкой (2012), в которых подчеркивается роль анализа лексических единиц в выявлении культурных и коммуникативных особенностей, заложенных в языке.

Значительное внимание также уделено работам в области дискурс-анализа М. Каменского (2013), И. Шевченко (2016), раскрывающим процессы, связанные с использованием языка в конкретных ситуациях общения, в отличие от статических лингвистических структур. В исследовании учитывалась работа А. Атягиной (2014), в которой дается характеристика основным дискурсообразующим свойствам платформы «Твиттер». Нами также рассматривались зарубежные и отечественные исследования по теории коммуникации P. Brown (2017), J. Muschalik (2018), J. R. Searle (2008), S. Harris (2014), М. Шилиной (2014), которые вносят вклад в формирование представления о вербальной агрессии и конфликтных процессах. Среди последних научных работ, посвященных изучению вербальной агрессии в повседневном общении, мы опирались на исследование А. Д. Бобр, Н. А. Ахреновой (2024), в котором агрессия рассматривается с позиции медиадискурса, а также на работы М. В. Калининой (2023) и Н. П. Сюткиной (2023), которые изучают проявления вербальной агрессии в политическом дискурсе.

Представленное исследование имеет существенную прикладную ценность, заключающуюся в возможности использования выявленных закономерностей англоязычного дискурса в образовательном процессе гуманитарных вузов. Результаты работы могут быть включены в учебные программы специализированных курсов и семинаров по следующим дисциплинам: теория коммуникации, межкультурное взаимодействие, переводоведение, а также лексикологический анализ, лингвокультурологические исследования и стилистические особенности современного английского языка. Кроме того, практическая значимость исследования проявляется и в его потенциале для проведения сравнительного анализа языковых и культурных феноменов.

Обсуждение и результаты

Коммуникация в англоязычном интернет-дискурсе

Цифровая коммуникативная среда представляет собой принципиально новое пространство социального взаимодействия, отличающееся высокой степенью гетерогенности пользовательской аудитории и не имеющей

аналогов скоростью распространения контента. Указанные свойства модифицируют традиционные схемы вербальной коммуникации, создавая принципиально новую систему лингвистического обмена. В рамках рассматриваемого дискурса прослеживается становление такого явления, как «бессубъектные коммуникативные модели, где в роли профессионального создателя контента выступают рядовые пользователи» (Шилина, 2014, с. 14).

Вместе с тем, наряду с глобализационными процессами, формирующими универсальные коммуникативные тенденции, пользователи цифровых платформ демонстрируют приверженность нормам и конвенциям речевого поведения, характерным для их языковой и культурной принадлежности либо для конкретного языкового сообщества. В частности, англоязычная коммуникативная парадигма оказывает существенное воздействие на характер сетевого взаимодействия, включая участников, для которых английский язык не является родным.

Наиболее распространенной на сегодня практикой, характерной для англоязычного дискурса социальных сетей, выступает оценивание сообщения, что свидетельствует о высокой степени субъективности, эмоциональности таких текстов. По словам Н. П. Сюткиной, «экспрессивность мы можем рассматривать как механизм манипулирования общественным сознанием» (2023, с. 47). Адресат получает возможность буквально одновременно с публикацией сообщения видеть обратную связь, выраженную как средствами языка (например, текстовыми комментариями), так и посредством экстралингвистических средств (например, реакций «стикеров», «эмодзи» «лайков»). Эти средства оценки применяются пользователями и в других сегментах социальных сетей, однако, по словам исследователей, у представителей английской лингвокультуры такого рода реакции намного более явно выражены (Вежбицкая, 2012).

Следует подчеркнуть, что, помимо внешних реакций со стороны других участников общения, адресат сообщения способен целенаправленно развивать желаемый коммуникативный сценарий (в частности, конфликтный), организуя дискуссионную ветвь посредством ответных комментариев. Хотя технически существует функция ограничения комментариев, пользователи сохраняют возможность вести диалог через публикации на персональных страницах. Данный механизм приводит к персонализации адресата, что красноречиво свидетельствует об агрессивной окраске высказываний (Атягина, 2014). Подобные реплики обладают статусом автономного текстового образования с присущей им иллокутивной функцией.

Англоязычное цифровое общение отличается интерактивностью, зачастую принимающей формы вербальной агрессии и угрожающего поведения. Согласно А. Д. Бобр, Н. А. Ахреновой, «человек, будучи существом биопсихосоциальным, находится под влиянием инстинктов, социальной среды и собственных психологических особенностей, и выражение вербальной агрессии подвергается более длительному пути» (2024, с. 92).

Отличительной чертой сообщений сети «Твиттер» как микроблоговой платформы выступает публичный характер полилога, доступного для широкой аудитории, что создает специфические коммуникативные условия: в данной социальной сети, в отличие от других, короткий текст автора не проходит модерацию и сразу после публикации доступен всем интернет-пользователям. Таким образом, современная англоязычная интернет-коммуникация представляет собой гибридную модель, где текстовые послания изначально ориентированы на массового реципиента. Преобладающий стиль коротких сообщений микроблогов «Твиттер» отличается разговорной тональностью и сниженным уровнем формальности, что отражает тенденцию к конвергенции виртуального и реального, живого взаимодействия, что позволяет говорить о принадлежности текстов сообщений социальных сетей к разговорному жанру. Микроблоги позволяют передать коммуникативную интенцию автора в сжатой форме, поэтому именно сообщения платформы «Твиттер» позволяют выявить общий агрессивно настроенный эмоциональный фон, присутствующий в обществе.

Повышенный уровень агрессивности в социуме, остро негативный взгляд на кризисные социальные явления отражаются и в интернет-дискурсе как реакция на возникающие политические, религиозные, межэтнические конфликты. Как справедливо отмечает М. В. Калинина, «в настоящее время в современном обществе явно прослеживается этническое, политическое, экономическое напряжение, в связи с чем в языке появляются все новые средства для выражения агрессии» (2023, с. 50). Речевая агрессия и угроза закономерно становятся основным способом коммуникации в англоязычном интернет пространстве.

Таким образом, англоязычное цифровое общение демонстрирует выраженную эмоционально-оценочную окрашенность высказываний. Участники коммуникативного процесса воспроизводят модели реального межличностного взаимодействия, эффективно реализуя свои коммуникативные интенции. Отправители сообщений активно отслеживают реакции адресатов и нередко прибегают к агрессивным стратегиям, провоцируя конфликтные ситуации и участвуя в них. Данная форма общения представляет собой публично доступный полилог, что подтверждается отсутствием ограничений на генерацию и распространение текстового контента.

Подходы к определению и классификации вербальных маркеров

Цель высказывания, способ выражения позиции автора текстов социальной сети могут выявляться по используемым автором языковым средствам, выполняющим функцию вербальных маркеров различных речевых актов. Данное лингвистическое явление получает неоднозначную интерпретацию в научной литературе, где специалисты идентифицируют широкий спектр языковых элементов, способных выступать в роли вербальных маркеров того или иного речевого акта. Анализ вербальных маркеров в современной лингвистике преимущественно сосредоточен на следующих аспектах: изучение метаязыковых характеристик коммуникативного процесса, включая способы и методы взаимодействия (Brown, 2017; Muschalik, 2018), тематических особенностей дискурса, проявляющихся через частотное употребление определенных лексических групп; исследование семантического наполнения грамматических структур (Searle, 2008; Fraser, 1996).

На сегодня в языкознании нет единого общепризнанного определения термина «вербальный маркер». Так, в научной литературе встречаем термины: коннектор (Halliday, 1995), прагматическое выражение (Fraser, 1996), лингвистический маркер или индикатор (Searle, 2008), дискурсивный маркер (Aijmer, Simon-Vandenbergen, 2009), прагматическая частица (Harris, 2014), просодический маркер (Muschalik, 2018). Языковеды вырабатывают собственные определения и предлагают различные термины для описания исследуемого явления, исходя из его специфики. Например, в лингвистических исследованиях дискурсивные маркеры определяют как «сложную вспомогательную систему дискурса, состоящую из коммуникативных единиц разных частей речи и разного уровня организации, привносящих дополнительную информацию для интерпретации высказывания» (Aijmer, Simon-Vandenbergen, 2009, p. 153).

В процессе идентификации таких маркеров исследователи используют следующие аналитические методы: количественный анализ частотности употребления лексических единиц, исследование эмоциональной окраски текста, применение технологий сентимент-анализа, построение авторского лингвистического профиля или мэппинг сайтов.

Учитывая существование множественных трактовок рассматриваемого явления и отсутствие единой терминологической базы, а также принимая во внимание исследовательские цели и задачи данной работы, мы полагаем обоснованным применение термина «вербальный маркер», так как он описывает языковые средства, используемые в вербальном взаимодействии, которые выполняют ряд функций в дискурсе, осуществляют оценочное маркирование определенных высказываний и передают интенциональную информацию. Разделяя концепцию Д. Митчелла, мы определяем данный термин как «формально выделяемую языковую единицу, поддающуюся систематизации и последующей параметризации, которая сигнализирует о наличии в текстовом материале более сложного, не подлежащего параметризации феномена» (Mitchel, 2014, p. 73). Объединяющей чертой всех рассматриваемых в лингвистической литературе маркеров является их тенденция к употреблению в идентичных контекстах с исследуемым явлением.

Когнитивный аспект вербальных маркеров детерминирует формирование у участников коммуникации определенного понимания контекста высказывания и характера речевого акта. Данные лингвистические элементы отражают процессы метаязыковой рефлексии в когнитивном пространстве говорящего. Применяя понятие «вербальный маркер», мы, следуя концепции К. Айджмера (Aijmer, Simon-Vandenbergen, 2009), рассматриваем его как специфический индикатор, направляющий процесс интерпретации высказывания реципиентом.

Вербальные маркеры выполняют когнитивную функцию, проявляющуюся в их способности направлять процесс интерпретации коммуникативного взаимодействия в рамках дискурса. Как отмечает М. В. Каменский (2013, с. 113-114), когнитивное осмысление маркированной экстралингвистической цели действия детерминируется соответствующим дискурсивным маркером. Тем самым М. В. Каменский (2013, с. 114) предлагает следующую типологию вербальных маркеров в соответствии с их функциональной нагрузкой, предполагающую семь категорий:

1) языковые – содержат когнитивный компонент как имманентную часть языкового значения;
2) эмоциональные – оказывают влияние на аффективную сферу реципиента;
3) понятийные – отражают абстрактные представления о коммуникативном процессе и его субъективной интерпретации;
4) поведенческие – стимулируют определенные поведенческие реакции у адресата;
5) ассоциативные – устанавливают смысловые связи между элементами высказывания;
6) референциальные – связаны с конкретными элементами речевого высказывания;
7) культурологические – обусловливаются культурными факторами и отражают особенности национального менталитета.

Кроме того, необходимо упомянуть мнение лингвиста М. Маккарти (McCarthy, 1991, p. 35), который дифференцирует вербальные маркеры на две основные категории: грамматические и лексические. Сосредоточившись на грамматическом аспекте функционирования вербальных маркеров, исследователь выделяет следующие подгруппы грамматических маркеров: эллиптические (*ellipses*) – характеризующиеся опущением элементов высказывания; референциальные маркеры (*reference*) – включающие личные, притяжательные и указательные местоимения, а также определенный артикль; соединительные маркеры (*conjunctions*) – осуществляющие логическую связь между компонентами высказывания; субституциональные маркеры (*substitution*) – предполагающие замену элементов в высказывании.

Необходимо подчеркнуть, что вербальные маркеры способны выступать в качестве специфических коммуникативных моделей, интерпретация которых варьируется участниками дискурсивного взаимодействия в соответствии с конкретными условиями коммуникации. Данные лингвистические элементы обретают семиотическую значимость исключительно в рамках соответствующего социокультурного контекста их функционирования (Шевченко, 2016, с. 159).

Классификация вербальных маркеров угрозы в текстах сообщений социальной сети «Твиттер»

В соответствии со способом выражения позиции автора мы разделяем вербальные маркеры угрозы на экстралингвистические, т. е. используемые в текстах сообщений, содержащих угрозы, аббревиатуры, печатные символы, буквы разного регистра, а также так называемые «эмодзи», используемые для выражения чувств, отношения автора к адресату и/или обсуждаемой проблеме, и лингвистические, которые также можно

классифицировать на лексические и грамматические, являющиеся экспликацией позиции автора. И лексические, и грамматические маркеры носят стилистический характер и могут быть названы стилистическими, так как определяют агрессивную тональность высказывания и служат инструментом разговорного стиля речи, особенно в высказываниях с субъективной оценкой. Сочетание лингвистических и экстралингвистических маркеров в высказывании с большей вероятностью свидетельствует о присутствии в тексте угрозы, при этом количественный анализ демонстрирует значительное преобладание лингвистических маркеров, которые встречаются в 62% исследованных текстовых единиц, тогда как экстралингвистические маркеры зафиксированы лишь в 38% текстовых сообщений.

В свою очередь, лексические маркеры угрозы можно разделить на три основные группы:

1) номинативная лексика, с помощью которой называются или обозначаются эмоциональные переживания;
2) дескриптивная лексика, описывающая эмоциональные проявления;
3) экспрессивная лексика, непосредственно вербализующая эмоциональные состояния.

С точки зрения количественных показателей первая группа занимает доминирующее положение по численности единиц и частоте их встречаемости: номинативной лексики нами выявлено 46%, а дескриптивной и экспрессивной – 23% и 31% соответственно.

Маркеры первой группы обозначают эмоциональные состояния и могут быть названы логико-объективными. Они представлены менасивными глаголами, номинативами, коллоквиальными прилагательными, наречиями образа действия, характеризующими переживания автора сообщения и его угрозы: *menace, intimidate, scare, abuse, admonish, blackmail, bully, forbid, terrorize* (Twitter). / угроза, унижать, запугивать, издеваться, упрекать, шантажировать, притеснять, запрещать, терроризировать) (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – *Л. Б.*). Мы можем выделить и проиллюстрировать в виде диаграммы наиболее частотные логико-объективные вербальные маркеры угрозы (Рисунок 1).

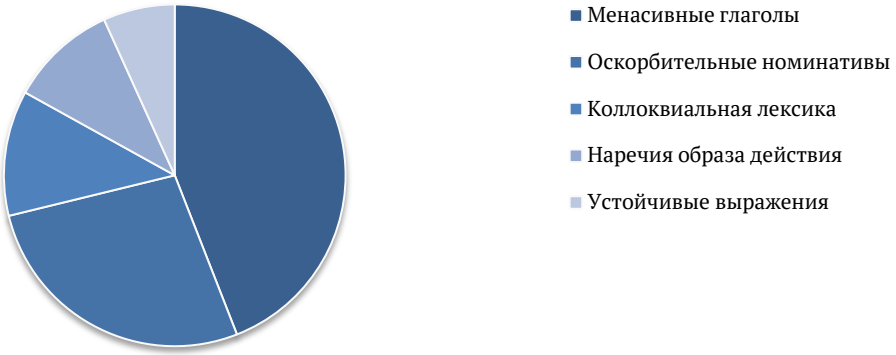

Рисунок 1. *Распределение логико-объективных вербальных маркеров угрозы*

Вторая группа включает в себя лексику, относящуюся к описанию так называемой кинематики эмоций, которая задействована в описании физиологических механизмов проявления эмоций и часто номинирует органы (глаза, губы, лицо), отвечающие за передачу эмоций. Также сюда входят глаголы, описывающие непосредственно эмоциональный процесс: *laugh, cry, shout, grin, frown*. / насмехаться, плакать, кричать, ухмыляться, хмуриться.

Лексика третьей группы является эмотивной и служит для характеристики чувств, состояний адресанта в момент создания текстового сообщения в микроблоге. В большей степени маркеры третьей группы – прилагательные: *furious, angry, mad, violent*. / разъяренный, озлобленный, озверевший, жестокий. Кроме того, нами выявлены наречия определенности, вероятности и устойчивые фразы.

Грамматические вербальные маркеры угрозы состоят из двух элементов: экспликация позиции автора высказывания и само высказывание, обоснованное этой позицией. Например, в высказывании *Hope I'll take care of this matter immediately* / Надеюсь, я немедленно решу этот вопрос позиция адресанта выражается сочетанием главного глагола – надеяться – и дополнительного придаточного предложения, и высказывание характеризуется ободряющим настроем говорящего.

Англоязычные грамматические вербальные маркеры угрозы также можно классифицировать на несколько групп в зависимости от части речи, к которой принадлежат используемые языковые единицы: 1. Условные предложения (высказывания по типу «я сделаю А, если ты не/сделаешь Б»): *You'll have to answer for your stupid words, if you won't stop now!* / Ты ответишь за свои глупые слова, если сейчас же не прекратишь! 2. Модальные конструкции: *I must destroy her!* / Она должна быть уничтожена! 3. Местоимение второго лица: *I will punish you no matter what you do*. / Я причиню тебе вред, несмотря на твои поступки. 4. императивные конструкции (указывают на серьезность угрозы): *I'm being absolutely really serious! You'll be sorry for this! Do it as I said!* / Я тебе серьезно говорю! Ты пожалеешь об этом! Делай то, что я сказал! 5. Отрицательные конструкции: *You never know when and where I will show up*. / Вы никогда не узнаете, когда и где я появлюсь. 6. Риторический вопрос: *Do we not deserve better?* / Неужели мы не заслужили лучшего? 7. Конструкции будущего времени (указывающие на конкретный период времени для осуществления агрессивного воздействия): *You'll be punished for that!* / Ты будешь наказан за это! Частотность грамматических вербальных маркеров угрозы проиллюстрирована в диаграмме (Рисунок 2).

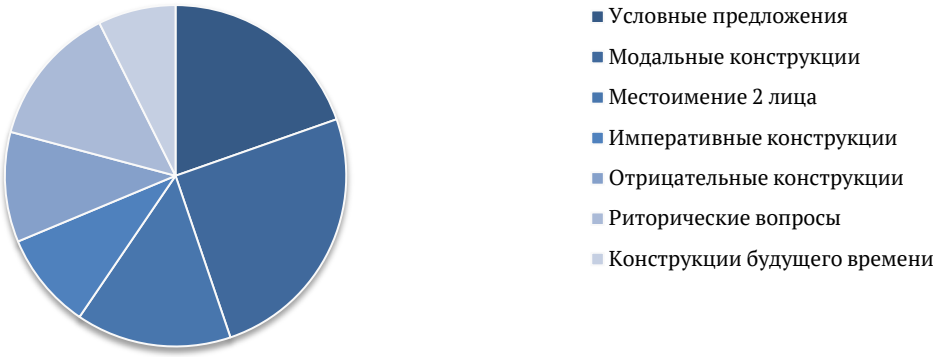

Рисунок 2. *Распределение грамматических вербальных маркеров угрозы*

Заметим, что выражение условия в угрозе не всегда маркируется условным предложением. В редких случаях это может быть придаточное предложение времени или повелительное наклонение, которое иногда звучит как предупреждение, хотя контекст ясно показывает, что мы имеем дело с угрозой. В таких предложениях в английском языке используется союз *if* (если).

На основе анализа вербальных маркеров можно сделать вывод о потенциальном намерении адресанта исполнить угрозу в реальности, за пределами интернет-пространства. В этой связи по иллокутивной силе высказывания, направленной на определенные изменения в поведении адресата в соответствии с высказанным намерением, нам представляется возможным распределить выявленные в текстах сообщений социальной сети «Твиттер» вербальные маркеры по степени потенциальной реализации угрозы, выделяя три категории: маркеры высокой, средней и низкой степени. Маркеры низкой степени угрозы характеризуются отсутствием прямого намерения причинения ущерба адресату. Данная категория включает лингвистические средства с ослабленной иллокутивной силой, в частности конструкции сослагательного наклонения (например, *perhaps I might …* / возможно я мог бы…); ссылка на нереалистичные действия (например, *I'll blow up every building on campus at the same time* / Я одновременно взорву все дома в этом районе) и обороты по типу *You had better, you would rather* / тебе бы стоило …, ты бы лучше …, не указывающие конкретно на возможные последствия. Таких вербальных маркеров нами выявлено большинство.

Маркеры средней степени указывают на большую реалистичность и правдоподобность угрозы, при этом оставляя некоторое сомнение о реальности акта агрессии и предполагаемом объекте, на который она будет направлена. Маркеры данной группы указывают на запланированность агрессивного действия и представляют собой более точные описательные лексические средства, которые тем самым идентифицируют цель угрозы. Например, это лексемы, указывающие на серьезность сообщения: *This is no joke.* / Я не шучу; *I really mean that!* / Я серьезно говорю! *Stop right now, I'm damn pretty serious!!!* / Прекращай прямо сейчас, я черт возьми не шучу!!!

Вербальные маркеры угрозы высокой степени содержат лексику, свидетельствующую о достоверности реализации агрессии. Такими маркерами выступают подробные описания осуществления действия, объектов и предметов агрессии, способов достижения цели. Часто такими маркерами являются наречия образа действия. Помимо этого, в качестве маркеров угрозы высокого уровня может выступать указание на точный период времени, когда адресант предполагает осуществить свои намерения, например использование наречий времени. В категории маркеров высокой степени угрозы наиболее частотными являются глаголы с менасивной семантикой, например: *shoot*, *kill*, *execute*, *lynch*, *do away*. / застрелить, убить, казнить, расправиться.

Иллокутивная интенция речевого акта угрозы может выражаться прямо или косвенно. В этой связи по способу речевого оформления высказывания мы можем говорить о вербальных маркерах прямой и косвенной угрозы, т. е. эксплицитных и имплицитных вербальных маркерах соответственно. Маркеры прямой угрозы (эксплицитные) указывают тип действия, время, место и личность жертвы. При этом наличие всех перечисленных компонентов необязательно, присутствия хотя бы двух из них достаточно для вывода о наличии прямой угрозы. Например: *Stop interfering with us. I would be happy to hang you. If it were up to me, I would hang you all.* / Не связывайтесь с нами. Я буду счастлив вас повесить. Была б моя воля, я бы вас всех перевешал; *Don't hope you'll sit still and watch us calm! You will have to bear the responsibility for your deeds! I'm telling you, the time will come and you will have to answer, do you understand me?!* / Не надейтесь, что вы спокойно отсидитесь в сторонке и посмотрите! Вы будете нести ответственность за свои дела! Я вам говорю, придет время, и вам всем придется ответить, вы меня поняли?!

Вербальным маркером косвенной угрозы (имплицитным) выступает императив, обращение к адресату в виде требования выполнить или, наоборот, прекратить определенную деятельность с целью предотвращения негативных последствий, например: *Stop where you started.* / Прекрати с самого начала; *I won't let anybody destroy my homeland!* / Я никому не позволю уничтожить мою родину! В результате исследования нами было выявлено, что высказывания в социальной сети «Твиттер» характеризуются использованием высокой доли вербальных маркеров прямой угрозы – 71,5% среди рассмотренных нами примеров.

Итак, вербальные маркеры угрозы, функционирующие в пространстве интернет-дискурса социальной сети и на лингвистическом, и на экстралингвистическом уровне, придают, на наш взгляд, агрессивным

высказываниям выраженные характеристики имплицитности, оценочности и экспрессивности и позволяют определить иллокутивную интенцию речевого акта угрозы. Выявленные лингвистические характеристики высказываний детерминируются ключевой коммуникативной интенцией – провоцированием адресата испытывать состояние страха.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ вербальных маркеров угрозы и их классифицирование по ряду признаков на материале англоязычных текстовых сообщений социальной сети «Твиттер» позволили сделать следующие выводы.

Ввиду повышенного уровня агрессивности современного общества и непрекращающихся политических, религиозных, межэтнических конфликтов, угроза выступает основной стратегией коммуникации в англоязычном интернет-дискурсе. Ярко выраженная эмоциональность в высказываниях коррелирует с процессом мгновенного диалога и объясняет всплеск речевой агрессии.

Научные исследования угроз в лингвистике базируются на выявлении вербальных маркеров, отражающих коммуникативное намерение адресанта к реализации агрессивного акта. Данные маркеры интерпретируются как лингвистические индикаторы аффективных состояний. В цифровом коммуникативном пространстве, особенно на платформе «Твиттер», вербальные маркеры выполняют значимые коммуникативные функции, репрезентируя субъективную позицию автора и тем самым приобретая ключевую значимость для исследования особенностей его языковой личности.

Вербальные маркеры угрозы, на наш взгляд, возможно классифицировать по ряду признаков. Во-первых, в соответствии со способом выражения позиции мы выделяем экстралингвистические и лингвистические вербальные маркеры угрозы, при этом лингвистические маркеры также представлены двумя группами: лексические и грамматические маркеры. Во-вторых, лексические маркеры угрозы можно разделить на три группы: номинативная, дескриптивная и экспрессивная лексика. Грамматические вербальные маркеры мы подразделяем на семь категорий: условные предложения; модальные конструкции; местоимение второго лица; отрицательные конструкции; риторические вопросы; императивные конструкции и конструкции будущего времени. Кроме того, основываясь на потенциальном намерении адресанта исполнить угрозу, мы выделяем такие группы, как маркеры низкой, средней и высокой степени осуществления адресантом угрозы (от меньшей к большей вероятности). В соответствии с иллокутивной интенцией речевого акта мы выявляем эксплицитные и имплицитные категории вербальных маркеров угрозы.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в компаративном исследовании особенностей функционирования вербальных маркеров в русскоязычном и англоязычном интернет-дискурсе популярных социальных сетей.

Материалы исследования | Research materials

1. Twitter. https://x.com

Источники | References

1. Атягина А. Н. Твиттер как новая дискурсивная практика: автореф. дисс. … к. филол. н. Омск, 2014.
2. Бобр А. Д., Ахренова Н. А. Гендерные особенности проявления вербальной агрессии в киберпространстве // Военно-филологический журнал. 2024. № 1.
3. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2012.
4. Калинина М. В. Вербальные средства выражения агрессии в политических токшоу // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. № 9 (4).
5. Каменский М. В. Дискурсивные маркеры в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы // Acta Linguistica. 2013. Т. 7. № 2.
6. Сюткина Н. П. Экспрессивность как средство вербальной агрессии и инструмент постправды // Сборник Материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Кострома, 21-22 апреля 2023 года. Кострома, 2023. Вып. 6.
7. Шевченко И. С. Проблемы типологии дискурса // Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен: монография. Харьков: Константа, 2016.
8. Шилина М. Г. Интернет коммуникация как фактор трансформации информационной сферы: автореф. дисс. … к. филол. н. Омск, 2014.
9. Aijmer K., Simon-Vandenbergen A. Discourse markers. Handbook of Pragmatics. Amsterdam: Benjamins Publishing Company, 2009.
10. Brown P. Politeness: some universals in language usage: in 4 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Vol. 4.
11. Fraser B. Pragmatic markers. Amsterdam: Benjamins Publishing Company, 1996.

12. Halliday M. A. K. Learning How to Mean: explorations in the Development of Language. L.: Edward Arnold Publishing, 1995.
13. Harris S. The form and function of threats in court // Language & Communication. 2014. Vol. 4. № 4. https://doi.org/10.1016/0271-5309(84)90010-7
14. Mitchel D. Machine Learning, Neural and Statistical Classification. Oxford: Oxford University Press, 2014.
15. McCarthy M. Discourse analysis for language teachers. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
16. Muschalik J. Threatening in English: a mixed method approach. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2018. https://doi.org/10.1075/pbns.284
17. Searle J. R. What is a Speech Act? Methods in language and social interaction. Thousand Oaks: Sage Publications, Ltd., 2008.

Информация об авторах | Author information

RU

Белова Людмила Валерьевна[1]
[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет

EN

Lyudmila Valerievna Belova[1]
[1] Belgorod National Research University

[1] *belova.lv@inbox.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.08.2025; опубликовано online (published online): 26.09.2025.

Ключевые слова (keywords): вербальный маркер угрозы; речевая агрессия; коммуникативная интенция; англоязычный интернет-дискурс; коммуникативное пространство; verbal threat marker; speech aggression; communicative intention; English-language internet discourse; communicative space.